

Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго.

Подъ именемъ „бумагъ Котляревскаго“, въ отдѣленіи рукописей петербургской публичной бібліотеки, хранится связка изъ пяти тетрадей, принесенная въ даръ А. В. Терещенкомъ въ 1858 году. Перечень этихъ бумагъ сдѣланъ былъ въ біографической замѣткѣ о Котляревскомъ, составленной при содѣйствіи того-же Терещенка и напечатанной въ 1861 г., въ „Основѣ“. Тамъ упоминались: „Журналъ военныхъ дѣйствій 2-го корпуса противъ турокъ“ 1806 г., веденный Котляревскимъ, въ бытность его адъютантомъ начальника корпуса, графа Мейендорфа, переводъ обширнаго богословскаго сочиненія, черновыя рукописи, переписка и документы. Просматривая въ нынѣшнемъ году эти бумаги, до сихъ поръ оставшіяся почему-то безъ вниманія біографами Котляревскаго, я нашелъ только рукописи, относящіяся къ двумъ послѣднимъ рубрикамъ: письма и документы. Куда дѣвались „Журналъ военныхъ дѣйствій“, черновыя „Эпиды“ и „Наталки“, заключавшія любопытныя варианты, и богословскій трудъ—неизвѣстно. Свидѣтельствомъ ихъ пребыванія въ бібліотекѣ осталась только записка Терещенка, гдѣ говорится, между прочимъ, слѣдующее: „Котляревскій оставилъ послѣ своей смерти многія рукописи, которыя неизвѣстно гдѣ и по чьимъ рукамъ ходятъ и которыя до сихъ поръ кроются... Неожиданность привела меня въ Полтаву, гдѣ я постарался отыскать мѣсто его жилища, потомъ посѣтилъ его могилу и затѣмъ розыскивалъ, нѣтъ-ли у кого его рукописей. Такія рукописи оказались въ семьѣ одного изъ друзей Котляревскаго, г. Стеблина-Каминскаго, который и передалъ ихъ мнѣ“. Утраченный „Военный журналъ“ обнималъ время съ 15 ноября по 16 декабря 1806 г., а богословскій трудъ былъ переводомъ сочиненія Дюкена „L'Evangile medité distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatres evangelistes“. Переводъ носилъ названіе „Размысленія о расположеніи,

съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. писаніи“ и распался на восемь частей и 359 разсужденій. По словамъ Терещенка, изъ замѣтки сочинителя, обозначенной на краяхъ бумаги, видно было, что началъ онъ писать въ октябрѣ 1823 г. и кончилъ 17 іюля 1838 г., незадолго до кончины. „Твореніе это исполнено благоговѣйныхъ мыслей, простотою и ясностью изложенія и духомъ смиренія и упованія на будущую жизнь“. Такъ, въ концѣ 359 размышленія, говорится: *живый и умирающій въ церкви вами основанной (св. апостолами) я сообщаюсь съ вами для полученія воздаянія, которое вы научили насъ испрашивать и надѣяться...* Не имѣя прямаго литературнаго значенія, этотъ послѣдній трудъ писателя являлся свидѣтелемъ глубоко - религіознаго настроенія, охватившаго его въ послѣдніе годы жизни. Это явленіе любопытно по общности его многимъ изъ крупнѣйшихъ малорусскихъ художниковъ: таковы были послѣдніе годы Квитки, славнаго живописца В. Л. Боровиковскаго, Гоголя... Нельзя не пожалѣть объ утратѣ этой рукописи. Въ собраніи писемъ, собственныхъ рукописей Котляревскаго конечно нѣтъ, кромѣ двухъ черновыхъ записокъ дѣловаго характера. Но есть письма къ нему другихъ лицъ, рисующія ту интересную эпоху и иллюстрирующія житейскія и литературныя отношенія поэта.

Въ порядкѣ годовъ идутъ сначала два письма втораго малороссійскаго генераль-губернатора, князя Лобанова-Ростовскаго, весьма благосклоннаго къ полтавскому поэту за его остроуміе и веселость. Въ домѣ Лобанова, отличавшагося художественными наклонностями, Котляревскій былъ своимъ человѣкомъ и душою устраивавшихся часто домашнихъ спектаклей. По порученію князя, Котляревскій принималъ участіе въ формированіи малороссійскихъ „козачьихъ полковъ“ въ эпоху отечественной войны. Первое письмо и относится къ одному изъ эпизодовъ этой импровизированной мобилизаціи; второе—официальное „отношеніе“.

I.

Чернишовъ, 4 сентября, 1812 г.

Кто лучше васъ знаетъ основаніе, на коемъ формируются козачьи полки, слѣдственно и сами вѣдать можете, что нѣтъ у меня власти *не бывшаго* ни въ милиціонной службѣ принимать въ офицерское званіе, а вы, не объясняя то об-

стоятельство наилучшему моему приятелю, уложили въ повозку вручителя сего, какъ будто на то, чтобъ мѣсто одного недовольнаго сдѣлать двухъ, а самому, какъ за пустое дѣло, добиться *юнки*; даль-бы добрей, естлябъ досугъ былъ я не усталъ отъ практики, въ коей содержатъ меня я безъ васъ. Прощайте, не дурите впредь и будьте всегда благополучны.

Князь Лобановъ-Ростовскій.

На оборотѣ письма, рукою князя написано: „Похвальный листъ“.

II.

Господину капитану и кавалеру Котляревскому.

Отправляясь до мѣста Высочайшаго Его Императорскаго Величества пребыванія, имѣете вы, по прибытіи въ Дрезденъ, взять отъ толь поддежащее пути вашему направленію и потомъ, явись къ его сіятельству графу Алексѣю Александровичу Аракчееву, съ приобщаемымъ къ нему пакетомъ, довести, что ожидать будете приказаній его особы о порученномъ вамъ на Высочайшее имя доиссленіи; когда-жъ послѣдуетъ отправление, надлежитъ вамъ предпринять немедленно обратный путь.

Малороссійскій генераль-губернаторъ *князь Лобановъ-Ростовскій.*

Полтава, 1 мая 1813 г.

Письмо князя Н. П. Репнина, смѣнившаго Лобанова и еще болѣе расположеннаго къ Котляревскому, касается дѣла, которому поэтъ посвятилъ свои лучшія силы,—театра. Большой любитель сцены и самъ хорошій комическій актеръ, Котляревскій былъ директоромъ и режиссеромъ труппы, приглашенной княземъ Репнинымъ въ Полтаву и ранѣе сформированной антрепренеромъ Штейномъ. На сценѣ „полтавскаго вольнаго театра“ впервые въ 1819 году шла „Наталка-Полтавка“. Приходится опять сѣтовать на наше центральное книгохранилище. Въ публичной библіотекѣ не оказалось афишъ вольнаго полтавскаго театра и надо отказаться отъ заманчивой мысли возстановить первую афишу „Наталки“. Можетъ быть такихъ афишъ въ „вольномъ театрѣ“ не было вовсе? Пьеса дана была безъ цензуры, по личному разрѣшенію кн. Репнина. Извѣстно, что въ ней игралъ Щепкинъ, который, чрезъ нѣсколько лѣтъ, хотѣлъ поставить ее въ Харьковѣ, въ свой бенефисъ. Въ своей „Украинской Старинѣ“ г. Данилевскій передаетъ интересный рассказъ харьковскихъ старожилонъ о томъ, какъ устроился этотъ спектакль: „Квѣтка сказала Щепкину: назначьте какую нибудь старинную пьесу и, передъ самымъ днемъ бенефиса, сошлитесь на нездоровье какого нибудь актера и просите офіціально дать, за поспѣшностью,

„Наталку-Полтавку“; пьесу уже разрѣшенную для Полтавы. Такъ дана была пьеса“... Обычная исторія малорусскихъ спектаклей, повторяющаяся и до нашихъ дней!.

Письмо касается внутреннихъ неурядицъ, царившихъ въ труппѣ, и имѣеть очевидною цѣлью поддержать за кулисами авторитетъ Котляревскаго.

III.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Почеченіе, которое вы являли о здѣшнемъ театрѣ, приобрьло ему одобренье публики и необходимо нужно для его благоустройства, почему я прошу васъ покорнѣйше продолжать оное и на будущее время, объявляя при томъ яменемъ моимъ актерамъ и актрисамъ, что они обязаны совершеннымъ повиновеніемъ и что, въ случаѣ какаго-либо противу сего проступка, строго за сіе съ нихъ взыщется, або я нисколько не подорожу талантомъ, какиимъ-бы то ни было, ежели не соединяется съ нимъ благовравіе и доброе поведеніе.

Примите при семъ случаѣ увѣреніе всегдашней и искренней моей дружбы.

Кн. Репнинъ.

Полтава, 25 мая 1820 г.

Провинціальныя театры рѣдко находятъ историковъ. Нѣсколько свѣдѣній о театрѣ Штейна, этой колыбели малорусской драматургіи, находимъ въ „Запискахъ М. С. Щепкина“ и въ статьѣ Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ“¹⁾. Замѣчательная труппа Штейна появилась въ Харьковѣ около 1814—15 годовъ. Онъ поднялъ театр въ Харьковѣ и построилъ театральное зданіе въ 1816 г. Около 1816 года въ этой труппѣ появился Щепкинъ, пріѣхавшій изъ Курска. „Мы всѣ, говоритъ Квитка, не видѣвшіе дальше провинціальныя театровъ, въ Щепкинѣ начали понимать, что есть и каковъ долженъ быть актеръ“.

Труппу Штейна взялъ къ себѣ въ Полтаву подъ свое покровительство князь Репнинъ. Тогда въ Полтавѣ узнали Щепкина. Доходы въ Полтавѣ, съ добавляемой суммой собственно отъ князя Репнина, не могли удовлетворить всѣмъ требованіямъ по театру. Какъ ни желалъ князь имѣть постоянно труппу при себѣ, но не было возможности. На полную труппу съ балетомъ требовались

¹⁾ «Литературная газета», 1841 г., № 15.

десятки тысячъ. Поэтому, на крещенскую и успенскую ярмарки, труппа переѣзжала въ Харьковъ. Щепкинъ, новый репертуаръ изъ комедій и оперъ, порядокъ, устройство—все привлекало публику; за ярмарку зарабатывали тысячъ 15. Штейнъ взялъ потомъ опять всю труппу на свое содержаніе. Въ Харьковъ пріѣзжалъ онъ къ успенской ярмаркѣ и потомъ, если публика поддерживала его абонировкою, оставался до поста. Онъ тратилъ все на улучшеніе и оставилъ послѣ смерти долги.

М. С. Щепкинъ, въ своихъ неоконченныхъ „Запискахъ“, сообщаетъ немного о пребываніи своемъ въ Полтавѣ и у Штейна. Съ обычною скромностію, говоря вскользь о себѣ, въ воспоминаніяхъ о томъ времени, онъ останавливается съ любовью на одномъ изъ своихъ товарищей по сценѣ, актёрѣ Угаровѣ, оставившемъ по себѣ память самобытнаго и оригинальнаго таланта. „Угаровъ, пишетъ Щепкинъ, былъ существо замѣчательное, талантъ огромный. Добро-совѣстно могу сказать, что выше его талантовъ и теперь никого не вижу. Естественность, веселость, живость, при увлекательныхъ средствахъ, поражали насъ и къ сожалѣнію все это было направлено Богъ знаетъ какъ, все игралось на авось. Но если случайно ему удавалось попадать вѣрно на какой-нибудь характеръ, то выше этого, какъ мнѣ кажется, человѣкъ ничего себѣ создать не можетъ. Къ несчастью это было весьма рѣдко, потому что мышленіе было для него дѣломъ постороннимъ; но за всѣмъ тѣмъ онъ увлекалъ публику своею жизнью и веселостію. Какъ въ человѣкѣ, въ немъ все было перемѣшано; въ какомъ-то странномъ беспорядкѣ стояли рядомъ: добродушіе и плутоватость, театръ и карты, охота покурить. Все это было смѣшано до такой степени, что не знаешь, бывало, чему онъ отдавалъ преимущество. Несмотря на всѣ его недостатки, я любилъ его какъ человѣка и уважалъ какъ талантъ“.

Изъ этого портрета видно, что Угаровъ былъ представителемъ типа, извѣстнаго въ мірѣ кулисъ подъ именемъ „мочаловскаго“,— типа актера, играющаго по вдохновенію, безъ школы, одними нервами, подъ вплипомъ настроенія. Такіе актеры могутъ подыматься необычайно высоко и спускаться ниже самой горькой посредственности. Въ знаменитыхъ статьяхъ о Мочаловѣ, этотъ артистическій типъ блистательно изслѣдованъ Бѣлинскимъ. Талантъ такихъ людей съ болію укладывается въ рамки извѣстной дѣятельности и ихъ

кидучій правъ отличается нерѣдко неуживчивостью и беспорядочностью. Возможно, что цитированное выше письмо Репнина, съ его рѣзкимъ концомъ, относилось къ Угарову, такъ какъ онъ только съ Щенкинымъ были двумя признанными „талантами“ группы.

Слѣдующія письма переносятъ насъ въ міръ литературныхъ отношеній автора „Энеиды“. Первое изъ нихъ касается переговоровъ о полномъ изданіи этого произведенія, переговоровъ, не приведшихъ ни къ чему, такъ какъ вполнѣ „Энеида“ издана впервые только въ 1842 году, три года спустя послѣ смерти автора. Корреспондентъ Котляревскаго, ибкій Н. Мельгуновъ, получилъ отъ него, какъ видно, порученіе найти издателя его труда и письмо свое начинаетъ оправданіями...

IV.

Москва, 1820 г., іюня 12

Милостивый государь Иванъ Петровичъ!

Не знаю, какъ выразить вамъ все замѣлательство, которое я теперь ощущаю; не знаю, какъ оправдать себя въ столь продолжительномъ молчаніи. Скоро совершится годъ, какъ я въ послѣдній разъ лѣлъ удовольствіе быть у васъ въ Полтавѣ и получать лестный для меня подарокъ вашъ — экземпляръ «Энеиды». Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ оскѣдомлялся и справлялся у здѣшнихъ книгопродавцевъ, не пожелаютъ-ли купить «Энеиду» вашу, съ прибавленіемъ двухъ послѣднихъ пѣсней и какую назначать за нее цѣну. Но многіе отъ нее вовсе отказывались, говоря, что сія книга мало найдетъ себѣ охотниковъ въ Россіи и что не иначе какъ въ Малороссіи слѣдовало-бы издать ее; другіе давали 800 и 1000 рублей. Изъ числа послѣднихъ Ширяевъ и г. Коловой, издатель «Московского Телеграфа», брался напечатать ее на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы ему, по выручкѣ, возвращенъ былъ употребленный на то капиталъ съ законными процентами. Многіе брали ее на комиссію, но ни одинъ рѣшительно не согласился дать и половинной цѣны той, какую вы назначили. Увѣряю васъ, что я съ своей стороны прилагаю всевозможное стараніе къ выгодной для васъ сдѣлкѣ, но все осталось тщетнымъ. Теперь остался одинъ способъ: отнестись къ петербургскимъ книгопродавцамъ съ слѣдующимъ предложеніемъ; хотя и сей способъ не очень вѣренъ, ибо Сленивъ печатаетъ одиѣ новыя книги, Смирдинъ взять на себя огромныя предпріятія, которыя едва ли рѣшится умножать повыми. Не попытатъ-ли харьковскихъ книгопродавцевъ? Новое изданіе вашей «Энеиды» ожидаютъ съ жадностью въ Малороссіи; тому я имѣю многія доказательства» ...

V.

Письмо Д. Бантышъ-Каменскаго.

Москва, 1829 г., октября 29.

Милостивый государь Ив. Петровичъ!

Давно слѣдовало-бы мнѣ принести вамъ чувствительную благодарность за сообщенныя любопытныя свѣдѣнія, но разные досады и хлопоты неволью воспрепятствовали исполнить долгъ сей. Простите великодушно и вѣрьте, что я всегда и вездѣ сохранию къ вамъ одизакія чувства душевнаго уваженія, коими преисполненъ. Удивляюсь, какимъ образомъ вы не получали отъ меня въ Полтавѣ экземпляра «Малороссійской Исторіи»? Въ семъ случаѣ я кругомъ виноватъ передъ вами. У князя Никол. Григор. должны храниться нѣсколько экземпляровъ сей Исторіи. Потрудитесь взять себѣ, сколько пожелаете. Если-же означенные экземпляры (о которыхъ я съ моего отъѣзда не имѣю никакого понятія) расхищены, въ такомъ случаѣ пріятнѣйшею обязанностью, по полученіи увѣдомленія, поставлю исполнить лестное требованье ваше. Первые двѣ части новаго изданія уже печатаются; третью и послѣдуюю копчлть, но не отдавалъ въ цензуру. Нужны мнѣ кой-какія справки. Одолжите сообщеніемъ свои свѣдѣнія. Совѣстно мнѣ, что я еще безпокою васъ; но увѣреть, зная доброе сердце ваше, что вы не будете досадовать на выѣщаго честь и проч. Д. Бантышъ-Каменскаго.

Слѣдуетъ рядъ вопросовъ о произношеніи малороссійскихъ словъ, о свадебныхъ обычаяхъ и т. д. Въ статьѣ „Основы“ перепечатана изъ бумагъ Котляревскаго „Замѣтка о нѣкоторыхъ народныхъ обычаяхъ“, составляющая обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, заданные Бантышъ-Каменскимъ.

Авторъ послѣдняго письма Орестъ Сомовъ довольно ревностно самъ подвизался въ сочинительствѣ. Подъ пменемъ Порфирія Байскаго, онъ напечаталъ въ 30-хъ годахъ массу забытыхъ нынѣ, повѣстей („Юродивый“, „Гайдамака“, „Оборотень“, „Сватовство“, „Ночлежь Гайдамаковъ“, „Живой въ обители блаженства вѣчнаго“, „Кіевскія Вѣдьмы“ и пр. и пр.) Онъ издавалъ также книги для юношества (въ родѣ „Друга молодыхъ дѣвиць или повья новѣсти, служація къ образованію склонностей ума и сердца“ Сиб., 1831 г.), учебники и т. п. Его письмо—типичная литературная болтовня того времени, одно изъ тѣхъ писемъ, которыя, при всей своей пустотѣ, будать умъ погрязшаго въ провинціальной глуши литератора, говоря ему о происходящемъ гдѣ-то, сравнительно большемъ, умственномъ движеніи. Изъ него видно также, какъ интересовался Котляревскій литературными новостями.

VI.

Сиб., 1830 г., мая 26.

Письмо ваше отъ 19-го апрѣля получилъ я назадъ тому дней десять: бо николи было до почты чволати, а при листѣ была пятидесятная гнация, то треба было самому взяти и листъ и гроши. Тотчасъ по полученіи денегъ пустился я къ вашимъ лучшимъ книжникамъ и фарсеямъ, Смирдину я Сленницу, чтобы узнать о виходѣ требуемыхъ вами книгъ. Вотъ вамъ полный отчетъ о моихъ поискахъ: «Монастыркъ» 2-й части отпечатано 13 листовъ; затѣмъ Ногорѣльскій уѣхалъ и не оставилъ *оринала* (по терминологіи наборщиковъ) и до сихъ поръ еще не шлетъ оставшагося. Посему я рѣшился взять покаместъ одну первую часть съ тѣмъ, чтобы доставить вамъ вторую, лишь только она здѣсь появится. О романѣ «Что такое хорошій топъ?» миѣ сказали также, что онъ допечатывается слишкомъ медленно, по буквѣ въ депъ, ибо и донинѣ еще не вышелъ. Между тѣмъ переводчикъ (Мосальскій) женился, вѣроятно для поддержанія хорошаго тона, и выдалъ замужъ сестру, вѣроятно для того, чтобы ей не было завидно. Де-Шанлетъ также, говорятъ, допечатываетъ свой переводъ «Карла Великаго»; но видю также допечатывается не такъ смѣло, какъ герой его воевалъ, ибо до сихъ поръ еще не появилась ни одна часть его перевода. Слухъ идетъ впрочемъ, что онъ выдастъ всѣ пять частей вмѣстѣ, но я усталъ ждать и для того спѣшу вамъ доставить покаместъ одну «Монастырку», тѣмъ болѣе, что давно имѣлъ неотразимое желаніе писать къ вамъ. При «Монастыркѣ» прилагаю маленькую книжонку для дѣтей, три повѣсти, мною написанныя, я изданныя Сленнинымъ и украшенныя безтолковыми лицевымъ титуломъ и заглавною виньеткой; это обыкновенныя слѣдствія книгопродавческихъ изданий. Наши книжники всегда умѣютъ переумудрить, когда сами при- мутся за дѣло, не спросясь у автора..

Вотъ вамъ кое-что изъ литературно-свѣтскихъ здѣшнихъ новостей: Булгаринъ уѣхалъ въ Дерптъ, въ свою деревню писать «Петра Ив. Выжигина» и хочетъ посадить своего героя въ княжью лавкѣ, гдѣ онъ будетъ судить о литературѣ и о большомъ свѣтѣ. Нѣкто Струйскій, являющийся въ стихахъ и прозѣ подъ именемъ Трлуншаго, пишетъ также романъ «Дмитрій Самозванецъ». Въ Москвѣ готовится еще нѣсколько романовъ и тамъ-же А. Пушкинъ женится на 17-лѣтней красавицѣ Гончаровой. Здѣсь еще печатается очень любопытный романъ Морьера «Хаджи-Баба въ Лондонѣ», переведенный съ англійскаго ориенталистомъ Селковскимъ...

Едва-ли есть надобность печатать многочисленныя письма сестры Котляревскаго, Анны и зятя его Сем. Троф. Скоробогача, бывшаго, какъ видно изъ переписки, управляющимъ огромнаго имѣнія Лопухинныхъ м. Златополя. Это—обращенія къ „братцу и благодѣтелю“, съ вѣчными просьбами о займѣ денегъ, клятвами объ отдачѣ, мольбами къ небу о здоровьи и проч. Какъ видно, письма достигали цѣли у добраго Ивана Петровича, такъ какъ заключаютъ не мало изъявленій благодарности. Скоробогачъ былъ „обремененъ семьей“:

у него было восемь дѣтей, въ воспитаніи которыхъ Котляревскій принималъ нѣкоторое участіе. Въ одномъ изъ писемъ Скоробогачъ говоритъ между прочимъ: „съ Володей хотѣлъ было поступить жестоко, совершенно противно условіямъ почтенпаго письма вашего. Но вы меня вразумили, и я дѣйствительно согласенъ, что совѣтъ, буде она господствуетъ въ человѣкѣ, скорѣй можетъ исправить не застарѣлые пороки, нежели страхъ опрометчивой власти“... Сестра посылаетъ лошадей за дѣтьми къ празднику и спрашиваетъ совѣта въ письмѣ: „кому подарить дюжину салфетокъ хорошихъ, при семь посылаемыхъ: Павлу Степановичу или новому начальнику дѣтей, г. Шелкановцеву?“ Подарокъ достался, кажется, вновь взошедшему свѣтилу... Эти и подобныя черты времени слишкомъ извѣстны, чтобъ умножать передачею ихъ наши выписки.

Литературную извѣстность при жизни доставили Котляревскому первая часть „Энеиды“ и „Наталка“. Это дѣйствительно лучшее, что онъ произвелъ. Двѣ послѣднія части „перелипованной поэмы“ блѣдны и слабы, „Москаль“, при всей своей веселости, не болѣе какъ грубоватый фарсъ. Но вѣчно юная „Наталка“ упрочить за отцомъ новой малорусской литературы незыблемую славу. Помимо достоинствъ типичной картины правоты, живой и трогательной, она имѣла сильное вліяніе на изученіе украинской народности и, вмѣстѣ съ „Думами“ кн. Цертелева, явилась первымъ сборникомъ народныхъ пѣсень. Послѣднее изданіе сочиненій Котляревскаго (Кіевъ, 1875 г.) убійственно по своей фантастической ореографіи и пайболѣе тщательнымъ остается до сихъ поръ маленькое изданіе Кулиша, исчезнувшее изъ продажи. Біографическій очеркъ, приложенный къ кіевскому изданію, составленный г. Катрановымъ, не исчерпываетъ и десятой доли извѣстныхъ печатно свѣдѣній о жизни полтавскаго поэта. Этотъ очеркъ на первой-же страницѣ украшенъ едва вѣроятнымъ курьезомъ. Рассказывая объ извѣстномъ „домикѣ Котляревскаго“, біографъ замѣчаетъ: „домикъ Ив. Петр., далеко измѣненный, давно уже перешедшій въ десятыя руки и теперь еще существуетъ. Его показываютъ какъ *библіографическую рѣдкость!*“ Увы! Этотъ восхительный lapsus linguae теперь двойная ложь: домикъ сломанъ, и на мѣстѣ его стоитъ полпивная уродливой новой постройки. Кому понадобился этотъ актъ вандализма и не грѣхъ-ли было полтавскому городскому управленію допустить сломку почтенной, старой, мирной „библіографической рѣдкости“.